

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «ФАКТ» В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Г. М. Иванов

Установление объективных исторических фактов средствами источниковедческого анализа является одной из важнейших задач начального этапа исторического исследования. Успешное выполнение этой задачи зависит не только от профессионального мастерства ученого, но и от его философской концепции исторического факта, которая в конечном итоге определяет методику установления, анализа и обобщения изучаемых фактов. В этой связи решение вопроса о том, что представляют собой исторические факты, приобретает для конкретного исторического исследования первостепенное методологическое значение, особенно в обосновании объективности исторических знаний, в дальнейшем повышении теоретического уровня исторической науки. До сих пор, однако, опубликовано очень мало работ, посвященных специально проблеме исторического факта¹. Эти работы не дают исчерпывающего изложения проблемы, но служат основанием для дальнейшего ее исследования. Конечно, в одной статье невозможно осветить все методологические вопросы, относящиеся к проблеме исторического факта. Поэтому мы ограничимся рассмотрением содержания самого понятия «исторический факт» и характеристикой основных видов исторического факта.

Первоначальное содержание понятия «исторический факт» сложилось в буржуазной историографии XIX в. под влиянием преимущественного изучения истории политических событий. Поскольку историче-

¹ За последние годы в советской и зарубежной марксистской печати были опубликованы работы, в которых дается логико-гносеологический анализ понятия «факт», показывается его роль в системе научных знаний вообще, в социологическом и историческом исследованиях в частности. См., например, Н. К. Стефанов. Въпроси на методологията на историческата наука. София. 1962; О. О. Яхот. Социологические исследования и некоторые теоретические вопросы статистики. «Вопросы философии», 1963, № 5; В. В. Косолапов. Факти та їх роль в історичному дослідженні. «Український історичний журнал», 1963, № 2; его же. Факт как основание научного знания. «Логика научного исследования», М. 1965; А. И. Ракитов. Статистическая интерпретация факта и роль статистических методов в построении эмпирического знания. «Проблемы логики научного познания», М. 1964; С. Bobińska. Historyk, fakt, metoda. Warszawa. 1964; А. Ф. Килунов. Про природу історичного факту. «Український історичний журнал», 1965, № 8; А. И. Уваров. Структура теории в исторической науке. «Методологические и историографические вопросы исторической науки». Вып. 3. Томск. 1965; В. Н. Орлов. Роль научного описания в историческом исследовании. «Философские науки», 1966, № 1; В. А. Ядов. Об установлении фактов в конкретном социологическом исследовании. «Философские науки», 1966, № 5; В. М. Подосетник. Гносеологическое значение фактов в познании общественных явлений. «Теория познания и современная наука», М. 1967; М. А. Варшавчик. Вопросы логики исторического исследования и исторический источник. «Вопросы истории», 1968, № 10; Л. С. Мерзон. К вопросу о гносеологической природе фактов науки. «Ученые записки» ЛГПИ им. А. И. Герцена. Т. 365. Л. 1968.

ские источники давали более или менее непосредственное отражение реальности какого-либо единичного, однократного события, изучаемого политической историей, постольку задача установления исторического факта сводилась в основном к максимальной критической проверке истинности тех сведений о данном событии, которые содержались в исторических источниках. В соответствии с этим понятие «исторический факт» употреблялось, как правило, для обозначения твердо установленного, достоверного знания, тождественного реальному единичному событию прошлого, реконструируемого сознанием историка на основе критики исторических источников. Понимаемые таким образом исторические факты считались надежной основой объективности исторической науки, а сами историки не сомневались в том, что в своей исследовательской работе они имеют дело с реальными событиями прошлого. Они рассматривали процесс установления и описания единичных, отдельных фактов в качестве главной задачи исторического исследования, отвергая необходимость исторических обобщений.

Возникновение марксизма означало качественно иную постановку вопроса об историческом факте и его месте в познании исторических процессов. Для марксизма общее и единичное, отдельное не противостоят друг другу; общее существует лишь в отдельном, через отдельное. В то же время действительность и понятие о ней, событие и его описание в каких-то понятиях, терминах с точки зрения марксизма отнюдь не тождественны, ибо «действительность соответствует им лишь весьма окольным путем, да и то лишь в асимптотическом приближении»². Историческое познание, отмечал Ф. Энгельс, имеет «по существу относительный характер, так как ограничивается выяснением связей и следствий известных общественных и государственных форм, существующих только в данное время и у данных народов и по самой природе своей преходящих»³.

Под влиянием марксизма и формирования в буржуазной историографии ко второй половине XIX в. так называемой социально-экономической истории, существенно расширившей предмет исторической науки, становилось очевидным, что при изучении социально-экономических процессов и отношений невозможно обойтись без теоретических обобщений. В этой связи перед историками встала проблема соотношения исторического факта и исторического обобщения, по-разному решавшаяся двумя основными направлениями буржуазной историко-философской мысли — позитивизмом и неокантианством. Ученые, исследовавшие преимущественно социально-экономическую историю и находившиеся под влиянием позитивистской «универсальной логики», объявили главной задачей исторической науки установление «эмпирических законов» общества, понимаемых как своего рода обобщения «фактов истории». Разработанная Дж. Ст. Миллем логика «нравственных наук», на которую в известной мере опирались историки-позитивисты, не придавала самостоятельного значения историческим фактам и рассматривала их лишь как «материал для исторического обобщения». Понимая под «фактом» (или «фактически существующим») все «доступные называнию вещи», Милль рассматривал самое существование того или иного явления либо как «действительное восприятие этого явления», либо как «наше умозаключение относительно возможности его восприятия». «Моя уверенность в прошлом существовании Юлия Цезаря,— писал Милль,— есть уверенность в том, что я увидел бы его, если бы я присутствовал при Фарсальской битве или был в известный момент в помещении сената в Риме». Таким образом, «последними, коренными посылками» в логике Милля оказывались в конечном итоге только факты

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. М. 1947, стр. 482.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 20, стр. 90.

субъективного сознания. «О внешнем мире, — писал он, — мы не знаем и не можем знать абсолютно ничего, кроме испытываемых нами от него ощущений»⁴.

Субъективно-идеалистическая в своей основе позитивистская логика «нравственных наук» объясняла развитие всех сторон общества исключительно изменениями в «умственной жизни людей» и схематизировала исторический процесс. Поэтому, естественно, она не смогла разрешить тех методологических трудностей, с которыми столкнулись историки при обобщении фактов (особенно в области социально-экономической истории). Более того, свойственным ей пренебрежением к философии она во многом способствовала развитию скептического отношения к историческим обобщениям, в которых стали усматриваться лишь субъективные конструкции, произвольно создаваемые мышлением историка. Результатом этого явилось усиление эмпиризма в историографии, абсолютизация исторических фактов как единственной основы исторического знания. В конечном счете исторический анализ сводился к простой систематизации исторических фактов с помощью цепочки непосредственных казуальных связей.

С теоретическим обоснованием отказа от исторических обобщений выступила и разработанная Г. Риккертом неокантианская логика исторического исследования, в отличие от «универсальной» позитивистской логики пытавшаяся прежде всего исходить из специфики истории как науки, изображающей единичное, индивидуальное и неповторимое, отбираемое из массы материала по принципу «теоретического отнесения к ценности». Обычно в истории, подчеркивал Г. Риккерт, «объект наблюдения и объект исторического изложения, стало быть, источник и факт, не совпадают». Но поскольку исторический факт, как правило, не является непосредственно данным историчу материалом, постольку центральное значение в исторической науке приобретает вопрос о существовании ее объектов. Для историка, который постоянно говорит: «это было так, а то было иначе», «суть дела состоит именно в утверждении и обосновании чисто фактической истинности таких суждений»⁵. Существенная особенность исторического факта, по мнению Г. Риккерта, заключается также в том, что он в отличие от естественнонаучного факта, повторяющегося многократно, однократен и поэтому содержит в себе только единичное, индивидуальное, неповторимое, придающее ему ту «ценность», от которой историк не может и не должен отвлечься. Если для естествоиспытателя первостепенное значение имеет «практическая оценка» факта, то для историка на первое место выдвигается принцип «теоретического отнесения к ценности», рассматриваемой как выражение духовной сущности человека и выражающейся в создаваемых им культурных ценностях. Принцип «теоретического отнесения к ценности» является и критерием отбора исторических фактов. Совершенно очевидно, что подобный идеалистический подход к анализу исторического факта не мог ориентировать историческую науку на познание самой объективной исторической реальности, существующей независимо от воли и сознания людей. Кроме того, идеографический метод Г. Риккерта, основанный на метафизическом противопоставлении единичного и общего, исключал и возможность понимания диалектической взаимосвязи исторического факта и исторического обобщения.

Свойственная буржуазной историографии трактовка исторического факта оказывалась тормозом при изучении социальных процессов и отношений.

Обращение исторической науки к изучению социальных процессов

⁴ Дж. Ст. Милль. Система логики. М. 1914, стр. 54, 550, 834.

⁵ Г. Риккерт. Границы естественнонаучного образования понятий. СПб. 1903—1904, стр. 279, 283.

со всей очевидностью показало, что исторический факт — не только предпосылка исследований, но и его результат, полученный благодаря анализу большой массы источников и статистических данных и содержащий в себе определенный уровень обобщения. Стало ясным, что зависимость между «фактами» и «обобщениями» следует рассматривать как взаимозависимость, предполагающую, что «не только обобщения невозможны без фактов, но и, наоборот, не существует научных фактов, которые не содержали бы в себе элемент обобщения»⁶. Теоретический анализ понятия «факт» обнаружил бесконечность и неисчерпаемость так называемых «элементарных фактов», установление которых также предполагает определенное обобщение знания, содержащегося в различных исторических источниках, описывающих единичные события. Но если «установление факта достигается в дедукции», то отсюда, по мнению английского ученого Ф. Пауика (выражающего весьма распространенные в буржуазной историографии взгляды), следует, что «история, которую мы читаем, хотя и основана на фактах, является, строго говоря, не фактами, а серией допускаемых суждений, и то, что мы называем историческими обобщениями, является суждениями о суждениях»⁷. Так ложно понятое соотношение факта и обобщения вело к субъективистскому утверждению, что каждый историк осуществляет свое «познание» истории, к релятивизму, ставящему под сомнение и объективность самого исторического факта и возможность получения достоверных знаний об историческом прошлом.

Еще дальше идет американский историк К. Л. Беккер, который, высмеивая примитивные представления о так называемых «твердых», «холодных» фактах, подобных «кирпичам», и показывая, что любой «простой» факт включает в себя, по существу, бесконечное множество других, более мелких фактов, о которых историк ничего не знает, приходит к выводу о том, что исторический факт — всего лишь «умственная конструкция», «только символ, простая формулировка, которая является обобщением тысячи и одного простейшего факта...» Этому символу, лишенному объективного содержания и не соответствующему реальности, Беккер противопоставляет действительное событие прошлого. Рассматривая в качестве примера убийство Авраама Линкольна 14 апреля 1865 г., Беккер пишет, что оно «было действительным событием, но теперь оно является историческим фактом. Действительное событие и исторический факт, хотя и тесно связаны, являются двумя различными вещами». Поскольку событие прошлого исчезло и его нельзя снова повторить или засвидетельствовать в нашем опыте, оно является для нас не объективной реальностью, а лишь воспоминанием, существующим в чьем-либо сознании в форме различных образов или идей, составляющих тот единственный «материал», из которого исходит историк. «Исчезнувшие реальности, — пишет Беккер, — уступили место тусклым отражениям, неосязаемым образам или идеям о себе, и эти тусклые отражения и неосязаемые образы, которые нельзя потрогать или взять в руки, есть все, что осталось от действительного события». Оживляя эти образы в своем сознании, историк тем самым создает исторический факт — «символ», не отражающий объективной реальности, не соответствующий действительному событию прошлого. Исторический факт как умственная конструкция лишается, таким образом, своего объективного содержания, а историческая действительность превращается в «неосязаемый мир, мысленно воссоздаваемый и существующий в нашем сознании»⁸.

⁶ И. С. Кон. *Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли*. М. 1959, стр. 237.

⁷ F. M. Powicke. *Modern Historians and the Study of History*. L. 1955, p. 231.

⁸ C. L. Becker. *What are Historical Facts?* «The Western Political Quarterly», vol. VIII, 1955, № 3, pp. 329, 331, 333.

Релятивистские выводы, основанные на полном противопоставлении исторического факта как умственной конструкции историческому событию, характерны и для других современных буржуазных историков. С. Хук, например, критикуя историческую терминологию, подчеркивает, что в самой истории, когда она рассматривается как процесс событий в пространстве и времени, не существует «фактов» как таковых. «Факты должны быть установлены в ходе исследования», однако надеяться, что «они приведут к истинам, бесполезно»⁹. Каждый факт, который историк устанавливает, так или иначе, по Хуку, произволен, ибо он «предполагает некоторую теоретическую конструкцию», и поэтому любое историческое исследование заведомо ставится под сомнение. Французский буржуазный философ и социолог Р. Арон, придерживающийся иррационалистской концепции, рассматривает исторические факты как субъективные по своему содержанию конструкции, выведенные из сознания историка и являющиеся результатом «понятийного перевода»: эти факты «не существуют сами по себе, но только через сознание и для сознания». Так, например, «битва, увиденная историком, есть идеальное в том смысле, что она является реальностью только в сознании». Однако данный факт как «идеальная конструкция, существующая в сознании историка», вовсе не рассматривается Р. Ароном в качестве отражения объективно реального события прошлого, так как, с его точки зрения, вообще «не существует исторической реальности, независимой от науки, и которую наука могла бы достаточно верно воспроизвести». «История,— пишет Р. Арон,— рассматривает объект, который не только прошел (если это событие), не только уже исчез (если это природное или человеческое условие), но который достигает существования и изменения только в сознании»¹⁰. Историческое познание, по убеждению Р. Арона, всегда будет иметь только относительный характер, поскольку «трудно увидеть пределы факта», произвольно конструируемого историком.

Неопозитивистская методология истории пытается решить проблему исторического факта, исходя прежде всего из анализа логической структуры исторического знания и способов исторического объяснения. Признавая необходимость эмпирических обобщений в истории¹¹, неопозитивисты рассматривают исторический факт как один из таких элементов общей логической структуры исторического знания, который сам включает в себя абстракцию. Однако, исходя из того, что слово «факт» употребляется как для обозначения «действительно происшедшего» (то есть исторического события), так и в смысле «свидетельство», «материал» или в качестве синонима логического термина «истинно» (в утверждении «Данный доклад основан на фактах» термину «факт» придается значение «истинности, доказательности»), неопозитивисты пытаются на этом основании поставить под сомнение объективность исторических фактов, принципиальные же различия между материалистическим и субъективно-идеалистическим истолкованием природы исторического факта они сводят к чисто терминологическим. По мнению П. Гардинера, например, именно двусмысленность в употреблении термина «факт» приводит к «заблуждению», что вне нас находятся «таинственные сущности, называемые «фактами». На самом деле, замечает Гардинер, «факты для историка не являются сущностями, данными извне». Именно поэтому, утверждает он, «мы не можем «знать факты» так, как мы знаем людей, не можем «владеть фактами»

⁹ «Theory and Practice in Historical Study: a Report of the Committee on Historiography». N. Y. 1946, pp. 123—124.

¹⁰ R. Aron. *Introduction to the Philosophy of History. An Essay on the Limits of Historical Objectivity*. Boston. 1961, pp. 113, 118, 289.

¹¹ См. И. С. Кон. *Неопозитивизм и вопросы логики исторической науки*. «Вопросы истории», 1963, № 9.

так, как владеем автомобилем. Выражение «собрание доказательств» еще может иметь этот смысл, но выражение «собрание фактов» не может, если только оно не используется в смысле «собрания доказательств»¹². Гардинер, по существу, выступает против материалистического понимания исторических фактов, основанного на признании объективной реальности исторического прошлого, подобно представителям других буржуазных школ, противопоставляя факты объективной реальности.

Наш краткий историографический обзор взглядов буржуазных исследователей свидетельствует, что решение вопроса о том, что представляют собой исторические факты, выходит за пределы чисто терминологического анализа и зависит в конечном итоге от мировоззрения исследователя. Конечно, факты, понимаемые как объективные события, не идентичны знаниям об этих событиях. Означает ли это, что научное описание, выражающее такие знания, не соответствует объективной реальности? Разумеется, нет. Нельзя отрывать описание от того, что описывается. Научное описание всегда в той или иной степени соответствует описываемому, адекватно ему, иначе оно превращается в фальсификацию, теряет научный смысл. Но степень этой адекватности находится в прямой зависимости от философских позиций ученого. Не случайно уже неоднократно отмечавшееся в нашей литературе явление, когда конкретно-историческое исследование того или иного буржуазного историка, стремящегося к максимальной точности в воспроизведении прошлого, оказывается в противоречии с его идеализмом в теории.

Марксистско-ленинская философия рассматривает исторический факт как один из видов «факта» вообще. Анализ самого понятия «факт» в марксистско-ленинской философской литературе показывает, что оно употребляется в основном в двух наиболее распространенных понятиях: во-первых, для обозначения так называемых «эмпирических фактов», то есть непосредственно наблюдаемых или изучаемых нами явлений, событий, процессов, относящихся либо к самой объективной реальности («факты действительности»), либо к сфере сознания («факты сознания»), поскольку явления сознания существуют и объективируются в продуктах духовной деятельности людей; и, во-вторых, для обозначения так называемых «научных фактов», представляющих собой элементы логической структуры научного знания, констатирующие и описывающие изучаемые нами явления действительности или сознания. «Эмпирические факты» являются для исследователя лишь сырым материалом и сами по себе еще не имеют научного значения. Только после соответствующей систематизации, описания, обобщения они могут стать научными фактами, включающими в себя тот или иной уровень абстракции. «Чтобы факт стал научным, он должен быть включен в ту или иную систему научного знания»¹³.

Перейдем теперь к характеристике собственно исторического факта. Прежде всего следует отметить, что понятие «исторический факт» нельзя, на наш взгляд, целиком и полностью отождествлять с понятием историческое событие». Действительно, «событие» и «факт» в определенной степени «накладываются» друг на друга, в силу чего данные понятия используются как равнозначные, однако эта равнозначность не абсолютна, а относительна, так как отнюдь не исключает различия между ними. Различие же состоит в том, что факт представляет собой не просто объективную реальность — событие, существующее независимо от сознания, но реальность, так или иначе *отражаемую* или *отраженную* сознанием. Факт возникает как бы на стыке субъекта с объек-

¹² P. Gardiner. The Nature of Historical Explanation. L. 1952, pp. 73—74, 76.

¹³ В. В. Косолапов. Факт как основание научного знания. «Логика научного исследования», стр. 47.

том. Установить тот или иной факт — значит открыть, констатировать реальность, наличие данного явления или события, его существование в объективной действительности прошлого или настоящего. Древняя культура Хорезма, например, хотя и являлась объективным историческим прошлым, существовавшим тысячи лет назад, стала, однако, для нас фактом только в XX в., когда археологические раскопки представили нам ее реальные памятники. Следовательно, историческое событие только в том случае превращается для нас в исторический факт, если его реальность установлена нами на основе анализа исторических источников, отразивших в свое время данное событие постольку, поскольку оно имело для современников определенное историческое значение. Таким образом, мы бы определили исторические факты как констатированные в нашем сознании социально значимые события прошлого, реальность которых засвидетельствована их отражением в исторических источниках, но которые, однако, не тождественны этим событиям, поскольку, как подчеркивал Ф. Энгельс, «тождество мышления и бытия... понятие о вещи и ее действительность движутся вместе, подобно двум ассимптотам, постоянно приближаясь друг к другу, однако никогда не совпадая»¹⁴.

Различая исторический факт и историческое событие нельзя, однако, абсолютизировать это различие и тем более противопоставлять исторический факт историческому событию, как это часто делается в буржуазной историографии. Если абсолютизация однозначности исторического факта и исторического события ведет к примитивному, вульгарному представлению, будто исторические факты берутся историком как события из самой исторической действительности, то абсолютизация различия исторического факта и исторического события приводит к субъективистскому представлению о факте как «умственной конструкции», не соответствующей историческим событиям. Факты исторические тем существенно отличаются от фактов естественнонаучных, что они *социальны* по своей природе, являясь продуктом общественно-исторического развития, результатом материально-производственной и духовной деятельности людей прошлых эпох. В этом отношении исторический факт как зафиксированное на основе источников событие прошлого представляет собой диалектическое единство объективного и субъективного, имеющего место как в самой исторической действительности, так и в отражающем ее историческом познании¹⁵. Исторический факт как зафиксированное социальное явление, порожденное деятельностью людей, несет на себе печать определенного состояния общественного сознания, сопутствующего тому или иному историческому событию¹⁶. Связь исторических событий с состоянием сознания данной эпохи, бесспорное влияние этого сознания на процесс исторического творчества используются представителями идеалистической методологии истории для рассмотрения социально-исторических фактов как явлений «коллективного» или «индивидуального» сознания, как «психических событий», «сгущенных комплексов волевых актов»¹⁷.

Понимание исторического факта, основанное на чрезмерном преувеличении роли сознания в историческом процессе или сведении истори-

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, стр. 482.

¹⁵ Подробно об этом см. Г. М. Иванов. Своеобразие процесса отражения действительности в исторической науке. «Вопросы истории», 1962, № 12.

¹⁶ Обращая внимание на это обстоятельство, Г. В. Плеханов, например, писал: «Нет ни одного исторического факта, которому не предшествовало бы, которого не сопровождало бы и за которым не следовало бы известное состояние сознания» (Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения. Т. II. М. 1956, стр. 247—248; см. также А. Лабриола. Очерки материалистического понимания истории. М. 1960, стр. 92).

¹⁷ См., например, R. Aron. Op. cit., pp. 72—73; H. Mommsen. Historische Methode. Geschichte. Frankfurt a/Main. 1961, S. 82.

ческой действительности к историческому сознанию, резко ограничивает возможности научного объяснения исторических событий. В историческом исследовании необходимо строго отличать реальные психические мотивы, волевые акты людей, способствующие созданию определенного исторического события, от реальных общественных действий, выступающих в качестве объективных социально-исторических фактов. В. И. Ленин, критикуя субъективный метод Н. К. Михайловского, писал: «По каким признакам судить нам о реальных «помыслах и чувствах» реальных личностей? Понятно, что такой признак может быть лишь один: *действия* этих личностей,— а так как речь идет только об общественных «помыслах и чувствах», то следует добавить еще: *общественные действия* личностей, т. е. *социальные факты*»¹⁸. Как видим, В. И. Ленин понимал социальные (а значит, и исторические) факты как «общественные действия личностей», считая, что именно из них следует прежде всего выводить реальные «помыслы и чувства», которые, будучи вплетенными в детерминацию человеческой деятельности, тоже могут выступать как исторические факты, подлежащие изучению, но отнюдь не тождественные общественным действиям — объективным историческим фактам. Уточняя в этом смысле данное нами выше определение, мы должны рассматривать понятие «исторический факт» как обозначение объективных общественных и индивидуальных действий людей, тех или иных исторических событий и явлений, происходивших в прошлом и ставших предметом исторического исследования в силу своей социальной значимости.

Конечно, предметом исторического исследования являются не только объективные экономические и политические события, выступающие для историка как исторические факты, но и различные формы общественного сознания в их историческом развитии. Философские, религиозные, политические, правовые и т. п. идеи, поскольку они в той или иной форме зафиксированы в разнообразных исторических источниках и стали предметом исторического исследования, также являются историческими фактами. Для историка религии, например, миф о Христе является фактом религиозного сознания и в этом смысле историческим фактом. Всякое ложное сообщение, содержащее какой-либо вымысел о событии, если последнее действительно имело или имеет место, может в определенном аспекте исследования (например, в источниковедческом анализе) выступать для историка как факт, свидетельствующий о тенденциозности или недостоверности данного исторического источника. В этом плане не только самое историческое событие, но и его определенная оценка, поскольку она была высказана в том или ином сочинении и рассматривается в плане историографического исследования, также является для историка фактом. Следовательно, содержание понятия «исторический факт» неоднозначно и зависит от аспекта и предмета исторического исследования. Это понятие в равной мере может обозначать не только событие, относящееся к объективной исторической реальности и ставшее предметом нашего познания, но и любое познаваемое нами общественно значимое явление, относящееся к сфере общественного сознания, объективированного в продуктах целенаправленной и сознательной деятельности прошлых поколений. Поэтому в каждом конкретном случае необходимо строго различать, во-первых, «факты исторической действительности» и «факты исторического сознания» и, во-вторых, в последних — их объективное и субъективное содержание.

Осуществление этого методологического требования в конкретном историческом исследовании наталкивается на ряд существенных трудностей. Во-первых, сам исторический факт, как уже отмечалось, будучи

¹⁸ В. И. Ленин. ПСС. Т. I, стр. 423—424.

явлением социальным, представляет собой диалектическое единство объективного и субъективного: если в «фактах исторической действительности» объективируется в той или иной степени и форме историческое сознание, то в «фактах исторического сознания», поскольку они отражают объективную историческую реальность, имеется определенное объективное содержание. Во-вторых, реальность исторического события, ставшего для нас историческим фактом, относится главным образом к области прошлого, оставившего какие-то следы в настоящем, но уже не существующего как непосредственно воспринимаемая историком действительность, а отраженного в исторических источниках. Это, конечно, не означает, что, владея историческими источниками, ученый тем самым уже владеет и самими историческими фактами¹⁹. Последние должны быть реконструированы путем внешней и внутренней критики источников, определяющей степень достоверности содержащейся в источниках информации и тем самым устанавливающей, можно ли рассматривать отраженные в ней события в качестве исторических фактов. И хотя наличие в источнике сообщения о событии всегда является в определенном смысле фактом, отсюда не обязательно следует, что самое это событие имело место в исторической действительности. Сообщение о событии — это еще не само объективное событие, а его отражение в форме информации, содержание которой может быть как объективным (то есть соответствовать тому, что было в исторической действительности), так и субъективным (не отражающим эту действительность или отражающим ее в извращенном свете). К историческим источникам, как справедливо отмечает акад. Б. А. Рыбаков, нельзя подходить формально, рассуждая так: если «написано что-то — значит, так и было в действительности, не написано — значит, не было»²⁰. Ошибочность подобных рассуждений в том и состоит, что «факт-информация» отождествляется в них с «фактом-событием». На недопустимость такого рода отождествления неоднократно указывал В. И. Ленин. «Чтобы разобраться в партийной борьбе, — писал В. И. Ленин, — не надо верить на слово, а изучать действительную историю партий, изучать не столько то, что партии о себе говорят, а то, что они *делают*, как они поступают при решении разных политических вопросов, как они *ведут себя* в делах, затрагивающих жизненные интересы разных классов общества...»²¹.

Ленинский подход к источникам, основанный на сопоставлении содержания источников и фактов действительности («фактов-событий»), является важнейшим методологическим принципом советского источниковедения, для которого в равной мере неприемлемо как сведение фактов исторической действительности к фактам исторического сознания, растворение объективной исторической реальности в историческом сознании, так и отождествление любого сообщения об историческом событии (поскольку это сообщение имеется в источнике и в этом отношении является для нас фактом) с фактом-событием, относящимся к самой объективной действительности. В том и другом случае отождествляются качественно различные по своей природе исторические факты, в результате чего создается возможность подмены объективной исторической истины всякого рода субъективизмом и мифотворчеством. Таким образом, к содержанию самого понятия «исторический факт» необходимо подходить конкретно: то, что является для нас фактом по отношению к содержанию исторического источника, не всегда оказывается для нас фактом по отношению к самой объективной исторической действитель-

¹⁹ Еще В. О. Ключевский отмечал, что исторические факты не даны историком прямо, как только он возьмет в руки памятник старины или взглянет на него (см. В. О. Ключевский. Собрание сочинений. Т. 6. М. 1959, стр. 479).

²⁰ «История и социология». М. 1964, стр. 61.

²¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 21, стр. 276.

ности. Поскольку в историческом источнике содержится не само объективное событие прошлого, а только определенного рода информация о нем, постольку наличие такой информации позволяет рассматривать в качестве факта для нас не само событие, а прежде всего информацию о нем. Подобные «факты» можно определить как «факты-информации», содержащиеся в источниках²².

Научная реконструкция исторического события — сложный процесс исследования. Объективную реальность прошлого нельзя превратить в непосредственно данную реальность настоящего. Поэтому, реконструируя историческое событие, историк не «воссоздает» самое это событие, а выработывает его модель, фиксирующую знание о реальности данного события в форме «научного исторического факта» («факта-знания»), являющегося результатом анализа исторических источников и представляющего собой более или менее адекватную историческим событиям реконструкцию прошлого, создаваемую в сознании историка. Однако поскольку «факты-информации», обобщаемые историком, являются не самими объективными событиями прошлого, а только их отражениями, часто имеющими идеологическую окраску, постольку историк, как это кажется при поверхностном взгляде на вещи, исходит из выраженного в источниках исторического сознания, заслоняющего собой объективную историческую реальность, затушевывающего действительную связь научного исторического факта с отражаемым им событием прошлого. Это обстоятельство, на наш взгляд, является наиболее глубокой гносеологической причиной, порождающей иллюзию того, что научные исторические факты («факты-знания») в силу идеологической направленности большинства письменных источников имеют будто бы не объективную, а субъективную основу.

Марксистско-ленинская методология, не отрицая известной «субъективности» научного исторического факта, вместе с тем рассматривает его как единство объективного и субъективного, обусловленное в конечном счете взаимодействием объекта и субъекта в самой исторической действительности, отражением которой является научный исторический факт. Реконструируя исторический факт («факт-событие») в форме научного факта («факта-знания»), историк имеет возможность с помощью методов источниковедческого анализа «снять», преодолеть «субъективность» содержащихся в источнике «фактов-информаций», вычленив из них объективное содержание, само историческое событие, отражением которого является источник, и, таким образом, добиться максимально адекватной историческому событию реконструкции прошлого. Научный исторический факт, следовательно, формируется историческим мышлением в соответствии с объективной исторической реальностью, существующей независимо от сознания, и представляет собой достоверное знание, являющееся отражением, которое «необходимо и неизбежно предполагает объективную реальность того, что «отображается»²³. Выступая как гносеологическое явление, как элемент достоверного исторического знания, научный исторический факт не является ни тождественным, ни противостоящим факту исторической действительности. Это обстоятельство необходимо учитывать, когда речь идет о логико-гносеологической природе «научного исторического факта», анализ которой осуществляется на основе выявления тех особенностей, которыми характеризуются «факты исторической действительности» или «факты исторического сознания».

Как уже отмечалось, сами исторические события не могут входить в состав исторической науки, поскольку она представляет собой не сами

²² Подробно см. М. А. Варшавчик. Указ. соч.

²³ В. И. Ленин, ПСС. Т. 18, стр. 248.

события, но определенную систему знаний, их фиксирующих и описывающих.

Чтобы правильно реконструировать историческую реальность, историк в соответствии с конкретными целями и аспектами своего исследования производит своеобразную логическую сортировку научных исторических фактов, размещая их по каким-либо признакам в определенные, отличные друг от друга группы. В этой связи важное методологическое значение приобретает вопрос о видах научного исторического факта²⁴. Практика исторического исследования показывает, что в основе такой классификации обычно лежат главные признаки научных фактов: содержание, структура и значимость (выбор которых в каждом отдельном случае во многом зависит от изменения конкретных задач и методики на разных стадиях исследования). В соответствии с указанными признаками историк может иметь три разных варианта группировки исторических фактов.

Первый вариант предполагает группировку исторических фактов по их содержанию, в качестве которого выступает конкретное явление исторического процесса. В зависимости от принадлежности последнего к той или иной сфере общественного развития марксистско-ленинская методология истории различает прежде всего три вида научных исторических фактов: 1) факты, реконструирующие события, явления, процессы из истории экономического развития, — «экономические факты»; 2) факты, реконструирующие события, явления, процессы из истории политического развития, классовой борьбы, войн, революций, истории развития и гибели государств и т. п., — «политические факты»; 3) факты, реконструирующие явления из истории развития форм общественного сознания людей, истории общественной психологии и идеологии, духовной деятельности человека, вплетающейся в ткань экономического и политического развития общества, — «идеологические факты». Отметим, что методологическое значение этой классификации для конкретного исторического исследования состоит главным образом в том, что она, будучи основанной на материалистическом понимании истории, позволяет правильно подойти к анализу структуры общества на данном этапе его развития, раскрыть функциональные связи и взаимодействия различных изучаемых общественных явлений, определить их место и роль в историческом процессе.

Второй вариант — группировка научных исторических фактов по их структуре, определяемой структурой самого исторического события и его пространственно-временной характеристикой (то есть его фиксированностью относительно данного места и времени). Взятые в отношении структуры научные исторические факты делятся на «простые» и «сложные»²⁵. Разумеется, различие между «простыми» и «сложными» фактами является относительным, поскольку оно во многом зависит от различий в аспектах исследования, когда один и тот же факт может рассматриваться в одном отношении как «простой», а в другом отношении как «сложный».

«Простой» (или «элементарный») исторический факт характеризуется прежде всего признаком единичности: его содержание ограничено одним вполне определенным историческим событием, рассматриваемым как индивидуальное, неповторимое. Такие, например, события,

²⁴ В упомянутой выше статье М. А. Варшавчика предлагается общая классификация исторических фактов: «факт-событие», «факт-источник», «факт-знание»; автор данной статьи ставит задачу разработки типологии научных исторических фактов («фактов-знаний»).

²⁵ На наш взгляд, не лишено основания высказанное в литературе мнение о том, что «эти два типа фактов должны быть названы иначе», так как в связи с развитием «социологической» истории, изучающей процессы и отношения, разделение фактов на «простые» и «сложные» действительно не исчерпывает «новых потребностей классификации и терминологии» (см. Воbińska, Op. cit., s. 23—24).

как Бородинское сражение, восстание декабристов на Сенатской площади, крестьянская реформа 19 февраля 1861 г., можно рассматривать как «простые» исторические факты, отражающие неповторимые в своих индивидуальных чертах исторические события. Однако единичность, фиксированная в «простом» историческом факте, относительна. Во-первых, всякое единичное, как известно, содержит в себе общее, является формой выражения общего. Уже самая констатация исторического события в форме научного факта, поскольку она производится в системе определенных предложений, включающих, как правило, общие понятия («сражение», «восстание», «реформа» и т. п.), позволяет в известной мере выразить тот общий признак, который содержится в единичном событии. Но глубокое исследование этого события, выделение мышлением существенно общего, присущего единичному, совершается только путем анализа совокупности сопоставимых по своему содержанию исторических фактов. Во-вторых, само единичное поддается дальнейшему делению и обнаруживает свои многочисленные связи с другими единичными событиями, вследствие чего «простой» исторический факт превращается в «сложный», выступающий уже как система, состоящая из целой совокупности составляющих ее элементов, в свою очередь, оказывающихся в положении «простых» фактов. Так, например, Бородинское сражение, рассматриваемое относительно всего хода Отечественной войны 1812 г., — одно из ее частных событий, и в этом смысле оно является «простым» историческим фактом, обладающим признаком единичности. Но если историк ставит своей задачей детальное освещение хода именно этого сражения, то оно уже будет выступать в качестве «сложного» исторического факта, включающего в себя совокупность других фактов, отражающих различные боевые действия обеих армий (бой за Багратионовы флеши, за батарею Раевской и т. п.).

Каждый «элементарный факт», таким образом, не только часть конкретного целого, но и сам сложное целое, состоящее из множества более мелких фактов, которые, в свою очередь, можно разложить на бесконечные составные части. В буржуазной методологии истории неисчерпаемость исторического факта служит поводом для построения субъективистско-релятивистских выводов, ставящих под сомнение существование объективной основы исторических фактов и возможность их достоверного познания²⁶. Для историка-марксиста сложность и неисчерпаемость «элементарного факта» свидетельствуют о том, что нет и не может быть непроходимой, абсолютной грани между «простыми» и «сложными» фактами, что различие между ними относительно, что любой исторический факт, рассматриваемый как «единство многообразного», может быть понят только в свете диалектики целого и части, общего и единичного. Диалектический подход позволяет преодолеть кажущуюся изолированность исторических фактов друг от друга и рассматривать их как более или менее сложные реконструкции исторических событий в развитии единого исторического процесса. «Простые» и «сложные» исторические факты отличаются друг от друга также тем, что они воспроизводят различные пространственно-временные характеристики исторических событий. «Простой» исторический факт, как правило, отражает действие или событие, характеризующееся определенной локализацией и кратковременностью, более или менее точно определенными пространственно-временными пределами, обычно зафиксированными в исторических источниках в форме конкретного указания места и времени (даты) свершения события. В отличие от «простого» «сложный» исторический факт описывает событие, совершившееся в более широких пространственно-временных границах, на сравнитель-

²⁶ См., например, С. Becker. Op. cit., pp. 328—329. Критику взглядов К. Беккера по данному вопросу см. И. С. Кош. Указ. соч., стр. 238—240.

но большей территории и в значительных временных пределах, подчас не имеющих четких хронологических рамок.

Хронологическая длительность и широкие географические рамки — характерные признаки исторических процессов, представляющих собой развивающиеся исторические системы с целым комплексом взаимосвязанных исторических событий. Сами исторические процессы могут выступать для историка в качестве исторических фактов как установленная реальность. При упомянутом условии можно считать историческими фактами такие процессы как, например, генезис феодализма, образование наций, религиозные движения, дифференциация классов, первоначальное накопление капитала, рабочее и национально-освободительное движения, социальные революции и т. п. Очевидно, что подобные «*факты-процессы*», как правило, не могут найти целостного отражения в одном или даже нескольких исторических источниках, поскольку в каждом из них обычно отражаются какие-то отдельные моменты исторического процесса. Более или менее исчерпывающую информацию об исторических процессах удастся получить только благодаря детальному изучению огромной массы исторических источников и статистических данных. Уже самый процесс получения такой информации, поскольку он предполагает синтезирование сведений, содержащихся в многочисленных источниках, заключает в себе известный элемент обобщения, которое затем органически включается в научный исторический факт, констатирующий реальность непрерывного процесса. Научный исторический факт, на наш взгляд, нельзя всегда и во всех отношениях рассматривать как отражение только лишь индивидуального, однократного явления. Степень абстракции научного исторического факта может быть различной в зависимости от особенностей отражаемого в нем исторического объекта.

При реконструкции исторического процесса нет необходимости описывать каждый из элементов последнего. Для того, чтобы воспроизвести, например, процесс дифференциации английского крестьянства в XIII в., вовсе не требуется описание каждого крестьянского хозяйства того времени. Кроме того, неточность и неполнота средневековых источников заставляют историка избегать суждений, основанных на индивидуальных цифрах, если нет возможности их проверить. Поэтому в подобном случае вполне правомерно ставить своей целью лишь выявление господствующих тенденций, основываясь на массовом материале. «При массовых подсчетах, — отмечал акад. Е. А. Косминский, — ошибки и пропуски в источниках уравниваются и стираются»²⁷. Оперирование с большими цифрами, полученными на основании учета достаточного числа отдельных случаев, позволяет получить вполне достоверную картину воспроизводимого историком процесса. При использовании статистического метода, опирающегося на массовый цифровой материал источников, реконструкция исторического процесса осуществляется в форме исторического обобщения. Отражающий такое обобщение научный исторический факт характеризуется сравнительно высоким уровнем и своеобразным способом абстрагирования. Понятие «научный исторический факт», по существу, приближается здесь к историческому обобщению, к понятию «*статистический факт*» (термин, введенный В. И. Лениным)²⁸. Для статистических фактов в исторической науке типичен массовый характер отражаемого в них явления, а по своей гносеологической природе эти факты аналогичны «социально-статистическим фактам», которые рассматриваются как «итог качественно-ко-

²⁷ См. Е. А. Косминский. Исследования по аграрной истории Англии XIII века. М. 1947, стр. 92, 93.

²⁸ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 27, стр. 142.

чественного, статистического обобщения свойств индивидуальных социальных явлений»²⁹. Историко-статистический факт можно было бы назвать «фактом-континуумом», поскольку он, отражая в обобщенной форме существенно общие черты и тенденции развития исторического процесса, воспроизводит *непрерывное* многообразие изучаемого процесса как единого целого. Реконструируя исторические процессы, исследователь составляет не только статистические таблицы, но и различные исторические схемы и карты (археологические, экономические, политические и т. д.), имеющие важное познавательное значение. Этот род деятельности историка можно определить как своеобразное моделирование пространственных границ прошлого исторического процесса, своеобразный способ группировки исторических фактов. Нельзя не согласиться с акад. Б. А. Рыбаковым, который рассматривает историко-географическую карту «как одну из форм исторического синтеза, позволяющего объединить целый ряд различных явлений, показать их в пространстве»³⁰. Можно, например, используя историко-географическую карту как одно из средств исторического обобщения, отразить неизвестный факт многоукладности, имевшейся в России. Сопоставляя несколько карт на отдельные темы, историк получает, таким образом, существенные данные по динамике изучаемого исторического процесса.

Третьим вариантом группировки научных исторических фактов может быть их группировка по значимости. Без момента социальной, исторической значимости факт, как мы уже отмечали, не является историческим. Вопрос о том, какие факты прошлого являются историческими и какие неисторическими, не только не лишен смысла, как считал, например, Б. Кроче³¹, а, напротив, имеет важное методологическое значение для историографии, решающей этот вопрос по-разному, в зависимости от той или иной гносеологической концепции. Историческая наука никогда не изучала и никогда не сможет изучить и описать все без исключения события человеческой истории. С нашей точки зрения, только те из этих событий могут классифицироваться как исторические факты, которые сыграли значительную роль в истории и оставили свой отпечаток на ее последующем развитии, то есть обладают внутренне свойственным им признаком конкретной исторической значимости. Последняя объективно присуща самому историческому событию, и поэтому задача историка состоит в том, чтобы, реконструируя его в форме научного исторического факта, установить со всей возможной объективностью действительное значение изучаемого события, его место в системе связей с другими событиями, место вызванных им последствий во всей совокупности последующих событий. Выяснение этих важных вопросов показывает, что исторические факты, создаваемые и отбираемые историком в соответствии с темой его исследования, неравнозначны и поэтому должны быть классифицированы с учетом степени значимости, которой обладали сами исторические события.

С этой точки зрения исторические факты могут быть разделены на *существенные* и *несущественные*. Общим объективным критерием, позволяющим отличить существенные исторические факты от несущественных, является, как известно, понятие «общественно-экономическая формация», руководствуясь которым историк устанавливает прежде всего принадлежность реконструируемых им событий к конкретной ступени развития определенной общественно-экономической формации и, исходя из ее структуры, выясняет их место и роль в системе взаимодействия базисных и надстроечных элементов данной исторической эпохи. При изучении структур «малого» масштаба историк руковод-

²⁹ В. А. Ядов. Указ. соч., стр. 31, 32; см. также О. О. Яхот. Указ. соч., стр. 56—59; А. И. Ракитов. Указ. соч., стр. 393.

³⁰ «История и социология». М. 1964, стр. 60.

³¹ См. В. Кроче. *Teoria e storia della storiografia*. 6. ed. Bari. 1948, p. 95.

ствуются и критериями другого масштаба, применяя такие понятия, как «историческая эпоха», «экономический уклад», «уровень развития производительных сил», «характер производственных отношений», «надстроечный элемент», «классы», «сословия» и т. п. Конкретные критерии деления исторических фактов на существенные и несущественные историк должен каждый раз обосновывать, исходя прежде всего из особенностей предмета и аспекта его исследования. При изучении, например, аграрных отношений средневековой Англии он отбирает исторические факты с помощью таких понятий, как «манор», «домен», «вилланство», «фригольдерство» и др. Существенные исторические факты являются, как правило, отражением событий, наиболее полно и ярко воплотивших закономерности данной сферы общественно-го процесса, сконцентрировавших в себе своеобразные и типические черты изучаемой эпохи и оказавших значительное влияние на ход последующих событий³². Несущественные исторические факты — это реконструкции сравнительно незначительных событий, сыгравших второстепенную роль в рассматриваемом историческом процессе и не оставивших глубокого следа в последующем его развитии. Разумеется, указанные различия между существенными и несущественными историческими фактами весьма приблизительны и относительны. Во-первых, в процессе исторического развития степень значимости того или иного явления изменяется: не играя первоначально большой роли, оно может впоследствии оказывать значительное влияние на ход истории, и, наоборот, являясь первоначально существенным, оно впоследствии может играть второстепенную роль. Это особенно важно иметь в виду при анализе переходных периодов исторического процесса, когда происходит зарождение новых и ломка, отмирание старых общественных отношений. Наконец, любой исторический факт, если его рассматривать не изолированно, а с учетом многогранности его связей и отношений, обычно является существенным по отношению к одним и несущественным по отношению к другим фактам. Это вовсе не означает, что деление исторических фактов на существенные и несущественные лишено объективного основания, оно лишь раскрывает одно из диалектических противоречий исторического факта, требуя от историка каждый раз вполне определенного, конкретного анализа.

Подводя итоги рассмотренным вопросам, можно сформулировать следующие основные выводы: 1) Анализ содержания понятия «исторический факт» показывает, что оно употребляется прежде всего в двух его основных вариантах: а) как обозначение любого социально значимого явления исторической действительности или общественного сознания, явления, которое действительно имело место в прошлом и благодаря своему отражению в исторических источниках стало объектом изучения исторической науки; б) как обозначение адекватной историческому явлению реконструкции прошлого, представляющей собой достоверное знание, констатирующее реальность изучаемого события. Как научный исторический факт, реконструкция события прошлого всегда содержит в себе элементы научной абстракции, тот или иной уровень систематизации и обобщения информации, содержащейся в исторических источниках. 2) В зависимости от предмета, аспекта, задач и методики конкретного исторического исследования выделяемые историком разнообразные виды научных исторических фактов могут быть объединены в различные группы по таким характерным признакам, как их содержание, структура и значимость. Все виды исторических фактов связаны между собой, а их различия часто носят условный характер.

³² О понятии «характерного» (существенного) исторического факта см. также Н. К. Стефанов. Указ. соч., стр. 132—133.